

Из цикла «Рассказы о чудесном»

Два ведра динозавров

Маленькая повесть

Чтобы все это вспомнить, мне нужно было приехать к нему домой спустя много лет после описываемых событий. Приехать, посидеть за столом, выпить какой-то дряни, послушать щебет его дуры-жены – тогдашней, потом они, к счастью, разошлись, и двое детей, которых успели родить, ко времени развода выросли и более-менее оперились. Но я больше слушал не его жену, хотя она все время перебивала Липецкого, - слушал его, и это помогло мне вспомнить. Я был не один, со мной приехала моя половина, которая знала к тому времени о нем только понаслышке и по его скульптурам, и щебет этой дуры поверг мою половину в состояние почти обморочное. Она никак не могла сложить два и два: как такому таланту досталась такая... То есть у нее не получалось – два и два, получалась какая-то другая арифметика.

Но я слушал Липецкого – и вспоминал...

Однако, сначала.

Однажды мы с женой приехали к Липецкому в гости. Он загадочно и хитро на нас посмотрел – он это умеет, Липецкий, - сказал: «Пошли, покажу». Жил он с женой – тогдашней – и двумя еще не оперившимися детьми в трехкомнатной квартире. В одной из комнат, которая служила ему мастерской, стояли два больших эмалированных ведра, полных чего-то – мы не разобрали, чего именно.

- Как думаете – что это? – пнул он ногой ведро.

- Не знаю... Ну, камушки... ракушки какие-то...

- Тупые вы, - удовлетворенно констатировал Липецкий. – Это – останки динозавров.

Я нашел самое крупное из зарегистрированных в мире местонахождение останков динозавров.

- Где?! – наш дуэт был слегка с хрипотцой: офигели.

- Да тут, неподалеку... - Он посмотрел на нас как-то грустно. – Этим я и занимаюсь последние годы: палеонтологией. Кроме скульптуры, конечно.

- погоди, Жора, - я от волнения стал, кажется, заикаться. – Ты расскажи толком – как нашел? Я же понимаю, ты не врешь, ты вообще никогда не врешь, и если сказал – самое крупное, значит – так и есть.

- Да просто все, - махнул рукой Липецкий. – Ну, сел на велик, поехал – и нашел. Знаешь у нас карьер в 30 километрах от Города, где щебень добывают? Ну, вот заехал в карьер, увидел подозрительный срез, копнул – и вот... Тут очень редкие экземпляры, не редкие – что я говорю! – уникальные, не описанные.

Мы тупо уставились на два ведра. Жена осторожно спросила:

- А как ты узнал, что это – динозавры?

- Да тут не только динозавры – вот смотри! – Липецкий нырнул рукой в ведро, выудил какую-то кривую косточку, показал: - Это вот – фрагмент задней лапки древней лягушки, животного вроде того, которое нашли в свое время американцы – они ее назвали *Beelzebubo*. Но эта другая, та жила 70 миллионов лет назад, эта помоложе и не такая большая. Но главное – нигде она не описана, ее нигде больше не находили, я – первый!

Он не понял вопроса. Для него вопроса – как? – не существовало. Жена спросила еще раз:

- И все-таки – КАК ты это все увидел, как соотнес части друг с другом, как узнал, что вот это – лягушка, тем более нигде не описанная, а это вот – динозавр или еще какая-то... кракозябра? Как, Липецкий?!

Жора улыбнулся, беспомощно развел руками.

- Ну, откуда же я знаю. Как-то получается у меня...

И вот тогда мне захотелось рассказать жене историю, которую Липецкий долгие годы просил никому не рассказывать. Я все-таки выпросил у него разрешение – и рассказываю о том, что случилось много-много лет назад, когда все мы носили густые волосы и совсем еще редкие усы. Рассказываю, конечно, не только жене.

* * *

Пришел с огорода Липецкий, бросил на стол лук, огурцы, посмотрел на всех загадочно.

- В лес пойду. На три дня. Кто со мной?

Ответное молчание не было недоуменным. Оно было ленивым. Стояло лето, июль пылал жарой, какая в Сибири именно в этом месяце случается, хотя и не каждый год. Какой лес, куда идти? Зачем? Может, там и тень, в лесу-то, но – зачем?! Здесь вот – тоже тень, и холодное пиво, и магазин рядом, и вообще – двигаться неохота...

Римас так ему и сказал, Липецкому. Говорит, мы к тебе приехали отдохнуть, а ты - «в лес»...

- Так в лесу – самый отдых, тупые вы! – Липецкий был вообще-то обаятельным, но мог быть и грубым. – Вы – тупые, - с нажимом повторил он, - в лесу – самый отдых...

- Ты три дня там отдыхать будешь? Под соснами загорать, елками? – Ник свернул пробку бутылке минералки, залпом отхлебнул, закашлялся.

Заворочался Борис на раскладушке.

- Не, ну чо за проблемы-то? Спать мешаете. Щас бутылкой наверну по башке кому-то!

Борис любил вот так изъясняться – просто, по-уличному, выходило у него это мультяшно. Для высшего образования – очень уж искусственно. А он и не боялся выглядеть вот так – искусственно. Роль играл. И чтобы все видели, что он – роль играет.

Вздыхнул Липецкий, присел. Стал объяснять.

- Мужики, тут чего... Пошел на огород – нашел вот что, - он показал: наконецник стрелы, не то каменный, не то костяной. – Здесь, в этом районе, когда-то было древнее поселение. Но тут искать смысла нет – все уж перелопачено, понастроено, изрыто... Надо идти в лес. Я знаю примерно – куда.

- О как! – Ник удивился. – И откуда знаешь? Кто подсказал – древние люди?

- Неправильный вопрос! – это уже Борис. – А зачем искать-то? И что искать?

Липецкий опять вздохнул, глянул на молчащего Римаса, махнул рукой.

- Нет, ну какие вы все-таки... тупые! Вот правду Пушкин написал: «Мы ленивы и нелюбопытны...»

- А это Пушкин написал? – осторожно спросил окончательно проснувшийся Борис.

- Пушкин, - еще раз безнадежно махнул рукой Липецкий.

- Не, ну если Пушкин – тогда пошли! – сказал Борис.

- Куда пошли-то? – Римас жалобно на всех поглядел. – Не хочу никуда идти! Хочу разлагаться! И пиво пить! И водку! И вообще – ничего не делать!

- А ты разлагайся, - сказал Борис. – Ты тут разлагайся, пока мы древние поселения ищем. Еду приготовишь, за водкой сбегашь. Кто-то же должен остаться на хозяйстве...

Римас приподнялся от возмущения.

- Я – на хозяйстве?! А кто фотать вас будет, идиоты? Ладно уж, пошли все...

И они пошли.

Липецкий работает на подстанции электриком. Устроился, предъявив старые корочки, срок действия которых вышел давно, начальники сослепу не разобрали. Да и не хотели ничего разбирать: второй электрик нужен был до зарезу. Любой. Липецкий, когда приехал на место – понял, почему любой. От электрика тут ничего не зависит. Авария – он сидит и ждет аварийщиков. В остальное время – рубильник включить или выключить. А

так – природа, красота, лес! Работают в смену, вдвоем, сутки дежурит один, сутки – другой. Ну, или как договорятся. Главное – чтобы на этом хозяйстве всегда кто-то был. Липецкий вообще-то скульптор. Пока непризнанный, но стремится. (И не зря: через несколько лет его признают и примут в Союз художников.) Он режет по дереву и лепит из глины.

Напарник его – и вовсе романтик, поэт, лирическая натура: сядет на крыльцо, уставится в небо – и шевелит губами: думает, сочиняет. Живут они в двухквартирном домике, квартиры – две комнаты и кухня, просторные, у обоих жены и мелкие дети. Детям есть, где порезвиться, а женам – где поковыряться: двор, площадка, клумбочки-грядочки... Огород, хоть и маленький.

Сейчас вот Липецкий своих отправил на лето к родственникам – немедленно прикатили друзья из Города, который в 27 километрах от Поселка. В Поселке раньше был рудник, проходила железная дорога, потом рудник закрыли за неперспективность, дорога заросла травой, и приехать сюда можно на автобусе, который ходит раз в день, или на попутках. Попутных машин много: через Поселок проходит дорога, по предгорью она ведет в соседнюю область. Движение достаточно оживленное, чтобы в любое время года поймать что-то до Поселка. Липецкий не против друзей, он, уехав из Города три года назад, по ним скучает. Здесь хоть и хорошо, хоть и природа, а все-таки скучно.

А вообще вокруг – лес, да что лес – тайга, пройти километров пять от Поселка – и тайга настоящая, книжно-киношная! Зверя хищного, правда, здесь мало кто встречал, но лоси точно ходят. Ну и растительность – местами дай Бог продраться, если хоженных троп не знаешь.

Липецкий знал здесь все тропы, за три года все исходил-истоптал, и там, где троп не было, он их сам пробил. Зимой – на лыжах, летом – пешком, с топором за поясом и рюкзаком за плечами. Не просто любопытства ради: искал интересное. И то, что пригодится потом для работы – деревяшки всякие, - и просто... интересное. С некоторых пор увлекся археологией, читал не просто запоем – выбирал те книги, которые написаны учеными авторитетами: им можно верить. Про эти вот места, где он живет, узнал: были здесь одни из самых древних человеческих поселений, и археологи знакомые из Питера подтвердили: были. Эти поселения они, питерские археологи, и искали как раз каждый год. Липецкий возбудился, даже во сне видел, как он что-то эдакое нашел в тайге – в коротком сне не разобрал, что именно нашел. Одно только разобрал: морщинистое лицо не то старика, не то старухи.

И вот случайно выкопал на крошечном своем огороде наконечник от стрелы. Сверил с книжками, чего-то высчитал – ну, вроде сходится. Решил: надо идти. Куда идти – так и не сказал друзьям. Потому что не знал сам – куда. Врал просто.

Шли хорошо. Хорошо было идти. Несмотря на жару и штиль (ветра не было совсем), лес жил активно: в кустах шуршало и попискивало, на ветках чирикало и свиристело, в воздухе порхало. Под ногами потрескивали сухие ветки, тропинка, то расширяясь и обозначаясь явственно, то вовсе пропадая в траве, вела в глушь, в сердцевину. Впереди уверенно шагал Липецкий, за ним Борис, Ник. Позади, негромко и бесстрастно чертыхаясь то по-русски, то по-литовски, брел с фотокамерами Римас.

Римас был лучшим в Городе фотографом, это все знали, и у него поэтому не было отбоя от заказов. То есть он даже отбивался – и не мог отбиться. И когда друзья собрались оторваться на недельку к Липецкому, он с готовностью присоединился. Здесь-то его точно никто не достанет.

...Забыл я, совсем забыл – тоже мне, рассказчик! - забыл сказать главное-то: дело происходит в 1985 году, и не только о мобильных телефонах, но и о пейджерах еще никто слыхом не слыхивал. Потому Римас и чувствовал себя в Поселке в безопасности, потому и хотел разлагаться и пить пиво: ноги его от бесконечных передвижений по Городу и так обросли лишней мускулатурой, и теперь он хотел дать им отдохнуть. Не пришлось.

Не дали, идиоты.

В общем, шли.

В лесу и правда было немного свежее, даже без ветра. Борис насвистывал песенку, повеселел. Он вообще легко переходил из одного состояния в другое, хотя сказать о нем – «легкий человек» - никак было нельзя. Переходы эти случались внезапно – и в любую сторону. Временами внезапно мрачнел, впадал в состояние, близкое к мизантропии, мог исчезнуть на несколько дней – и никто не знал, где он и что делает. Потом появлялся с опухшей физиономией – ясно, пил, - несколько дней валялся на общежитской кровати, уткнувшись носом в стену, ни с кем не разговаривая. Работал он от случая к случаю где попало, чаще не работал нигде.

Мизантропия проходила так же внезапно, как наступала. Вдруг вскакивал, зачем-то делал зарядку, брился, проявлял бурную деятельность – загонял всех сожителей по комнате на койки и драил до блеска неделями не мытый и не метенный пол. Потом садился за стол – и через пару часов выдавал очередной шедевр. Он писал стихи – странные, отрешенные какие-то. Но талантливые и завораживающие.

Выходишь с непокрытой головой,
Душа моя, Мария, Богородица.
Стоит декабрь, трещит мороз, как водится...
Где Твой покров? И где Младенец Твой?

Стихи, конечно, нигде не печатали, даже в местной районной газете. Они были пугающе чужими и ничему не созвучными. Но Борису это было все равно: он метил в гении.

Липецкий вдруг остановился. Встали и остальные.

- Чего? – спросил Борис.

- Сейчас, погоди... - Липецкий отошел в сторону, скрылся за кустами.

...На Липецкого снизошло. Внезапно, каким-то внутренним зрением он увидел все, что ждет их дальше. Сейчас они пройдут широкую низинку – весной здесь много воды, а прямо в воде растет молодая, жирная черемша, столько – хоть коси. Сейчас в низинке сухо, трава да кусты, хотя порой еще встречается та же черемша-переросток, с жесткой длинной стрелкой и такими же жесткими и уже почти несъедобными листьями. За низинкой начнется снова подъем, тропинка заберет вправо, в горку, потом они перевалят холм, снова спустятся – и там... сердце Липецкого встрепенулось. Там нужно остановиться, разбить бивак – и копать три дня, аккуратно, по периметру. Углубившись на метр-полтора, дальше копать и вовсе осторожно, буквально просеивая вынутый грунт. Там что-то было и что-то есть.

Он вернулся на тропинку.

- Пошли, - кивнул и зашагал.

Борис пожал плечами, пошел следом, за ним остальные. Римас опять равнодушно выругался.

За холмом Липецкий остановился, оглядел полянку, удовлетворенно кивнул сам себе – для стоянки место что надо, - скинул рюкзак.

- Все, пришли.

Борис опять пожал плечами: что-то он знает, этот чужак...

- Почему здесь? – спросил на всякий случай Ник.

- Откуда я знаю? Но знаю, что здесь.

Спорить не стали: притомились все изрядно, шли несколько часов, дело к вечеру, хотелось поесть и отдохнуть. Палатку с собой не брали – сложили из веток шалаш, сверху накрыли его полиэтиленом на случай дождя, полиэтилен закрепили веревками. На костре быстро сварганили ужин из консервов, заварили чай. Готовил Ник. Липецкий в это время что-то высматривал в кустах, вымерял что-то. Римас от нечего делать снимал природу.

Ужинал Липецкий нетерпеливо, поглядывая на небо в сторону заката. Отложил ложку, отхлебнул чай из кружки, подмигнул Нику:

- Чай с гренками?

Борис страдальчески застонал.

- Ник, скотина, ты опять туда головешку сунул?!

- А как же! – томно отозвался Ник. Его после еды разморило, он наслаждался покоем и лесом.

У Ника был свой особый способ заваривать чай в лесу. В костер он закладывал вместе с другими дровами непременно одно хвойное полено – лиственницу, ель – все равно. Когда котелок с водой закипал, он щедро всыпал в кипяток заварку, снимал котелок, вынимал рукавицей-верхонкой из костра хвойную головешку – и опускал ее на несколько секунд в чай. Затем накрывал котелок крышкой минут на десять. Чай получался по-особенному, по-лесному ароматный, с дымком, но была одна досадная деталь: в нем встречались угольки от головешки. Это не всем нравилось. Борису не нравилось.

- Ну, скотина и скотина! – констатировал Борис. Он собрался продолжить свою мысль – Ник молча встал, взял хвойную лапу, накрыл ею огромную литровую кружку Бориса, сквозь это импровизированное «ситечко» нацедил чай.

- Устроит? – протянул Борису кружку. Тот развел руками: принимается.

- Ладно, мужики, хорош расслаживаться, пошли! – Липецкий встал.

- Куда опять? – насторожились все.

- Копать, куда же еще...

- Липецкий, да ты офонарел! – сказал Борис. – Мы шли полдня, устали, как собаки, дело к вечеру, уже семь часов – давай завтра начнем! Прямо с утра.

- Между прочим, после обильного ужина активные физические упражнения вредны, может заворот случиться, – подтвердил Ник. Ну совсем не хотелось ничего копать и вообще шевелиться.

Римас отрешенно, но согласно молчал.

Липецкий вздохнул.

- Тогда я сам. Отдыхайте.

Он взял лопату, пошел к краю поляны. Борис посидел минуту, чертыхнулся, поднялся... Пошли и остальные.

... У меня в домашнем альбоме есть черно-белая фотография: три чумазных черта, голые по пояс, с улыбками до ушей, в кепках-панамах, сделанных из газеты, с лопатами в руках и сигаретами в зубах. Не курил тогда только Липецкий – он и снимал. Борис стоит на краю ямы глубиной метра полтора, рядом, опершись на лопату, Римас, а из ямы выглядывает Ник (ну то есть – я, конечно), салютуя лопатой... Веселое было время, 85-й год прошлого века, начало перестройки. Апрельский пленум уже прошел, Горбачев уже сказал какие-то важные слова, и мы жили предвкушением. Мы ждали будущего, мы так стремились в него, так в него верили, в это будущее! И только Липецкому было все равно. Он существовал в другой реальности, вокруг него было давнее прошлое, и он охотно принимал его, и жил он – там, в этом давнем прошлом, а вовсе не здесь, не с нами, не в настоящем. Только мы тогда этого не понимали, и потому вели себя по отношению к нему покровительственно. Чудаков на Руси всегда любили и жалели. Вот и мы – любили Липецкого и немного жалели – в душе.

* * *

Они копали два дня, не считая первого вечера. Липецкий уговорил остаться еще на одну ночь, а уж потом, если ничего не найдут... За два дня ничего не нашли, хотя изрыли весь периметр, углубились на полтора метра, просеивали и внимательно рассматривали грунт. То есть рассматривал Липецкий. Никаких признаков древнего поселения не находилось – ни осколков посуды, ни наконечников стрел, ни чего еще.

На третью ночь Нику приснился сон: из ямы вылез древний человек, похожий на картинку, на которых изображен питекантроп (или неандерталец?). Неандерталец (или питекантроп?) показал Нику язык и пошел в кусты мочиться. Он делал это долго, громко – так, что булькало и журчало, и еще почему-то оглушительно гремело. Ник проснулся. По

полиэтилену, которым был укрыт шалаш, во всю мощь хлестал июльский ливень, сквозь крышу шалаша были видны молнии, гремел гром, а спальник тонул в воде. Проснулись все. Кое-как собрали сухое, уложили на единственном в шалаше избежавшем затопления бугорке, досидели до утра – о сне уже, конечно, никто и не помышлял. Утром ничего не оставалось, как собраться и шлепать по мокрой, размытой тропинке домой, в Поселок. Ливень чуть утих, но дождь не переставал и, кажется, не собирался прекращаться в ближайшие пару дней. Так нередко бывает после сильной многодневной жары.

Липецкий был угнетен и оттого угрюм, ни с кем не разговаривал. Ник бормотал на ходу складывавшуюся дурацкую песенку:

А вы не лезьте на рожон!

Вам Петька Кантропов нужен?

А я Неан по прозвищу Дерталец.

И он ушел, свистя в кулак.

Был третий день – и было так:

Мы пили водку крупными глотками...

- Мужики, идея! – заорал вдруг Ник. – Давайте водки купим.

- Тоже мне, оригинал! – хмыкнул Борис. – Конечно, купим. Посмотри вон на Липецкого – его ж, кроме водки, чем теперь отпаивать-то?

Купили водки, кое-какой закуски, пришли к Липецкому сушиться и налаживать настроение. Липецкий все так же угрюмо пошел на кухню ставить чайник. Римас включил телевизор – и замер.

- Ого! – сказал он негромко и отошел от экрана. На экране было: «Ю.В.Андропов. Страницы жизни».

Название и титры повисели немного – и начался фильм. Бархатный голос известного артиста произнес: «Это была последняя осень в его жизни...» Борис отставил бутылку.

- Слушайте, я не понимаю – что это? Это что – кино об Андропове?! Это новая эра наступает... такая? Это нам сейчас будут рассказывать, что он вовсе не был упырем, а был такой весь человечный, стихи писал лирические и вообще детей любил? Ничего себе, новая эра... Ну, Михаил Сергеевич, удружил...

...Вру, конечно. Стыдно, но вру. То есть потому и вру, что стыдно. Мы и правда в тот день неожиданно наткнулись на этот фильм и смотрели его, раскрыв рты, пили водку – и не пьянели. Нам-то казалось, что это как раз – прорыв, что это – торжество новой эры, какой-то знак, который нам подадут из Кремля, что мы теперь точно будем жить по-другому, в условиях демократии и прочих достижений другого человечества. Почему?! Какая демократия могла ассоциироваться с Андроповым, с генсеком, который устраивал облавы на людей среди бела дня? Почему мы так думали, так воспринимали это событие? Наверное, потому, что было оно ни на что предыдущее не похоже. Фильм был очень прочувствованный, проникновенный, и ведь не о предшественнике Горбачева, о котором и сказать-то нечего, а об Андропове, человеке и правда многоплановом и непростом. Но и, к чести нашей и к моему утешению, не во всем мы ошиблись: все-таки некоторые основы самосознания, которое называют гражданским, некоторые прививки против того, чтобы принимать деспотизм и подчиняться ему безропотно, нам потом дали. Значит – что? Значит, правильная была наша реакция, правильно мы почувяли – и откуда, и куда ветер дует? И стыдиться, выходит, нечего... Да Бог с ними, и с Горбачевым, и с Андроповым, и с прочими! Не о том моя повесть, просто уж так совпали эти события по времени, что никак не обойти одно, рассказывая о другом. Но больше не буду, все, на этом политическая подоплека кончилась, никаких больше параллелей, никаких аллюзий! Только правда – и ничего, кроме правды. Лишь в одном от правды отступлю: не поднимается рука написать, что мы, то есть они, мои герои, все смотрели этот фильм с удовольствием, подъемом и верой в светлое будущее. Борис так не мог – уж такой образ я ему придумал, таким характером наделил.

Телевизор продолжал свою славную повесть.

...«Как-то раз на одном из подмосковных шоссе, - бархатный голос артиста располагал и завораживал, Борис скрипел зубами, - Юрий Владимирович попросил остановить машину на мосту через небольшую, малоприметную речку, из тех, что во множестве прячутся в лесах под Москвой. Вышел – и спустился к воде. Он любил ее тихое течение, когда кажется, что сама вода перелистывает страницы твоей жизни...»

Вода журчала не в телевизоре. Все оглянулись в сторону кухни. В дверях стоял Липецкий, смотрел вверх телевизора, шевелил губами и лил из чайника кипяток на пол.

- Жора, ты чего? – спросил Ник. – Ты в порядке?

Липецкий оглядел всех внимательно, перестал лить кипяток, поставил чайник на стол.

- Эх, - сказал он, и это прозвучало так, что все поняли: случилось горе. – Я – тупой. Дебил я.

- Ну, это понятно, - немедленно отозвался добрый Борис – ему, наконец, удалось справиться с бутылкой, он разливал водку. – Дальше.

- Да что – дальше... Вода, понимаешь? Смотри, чего на улице творится, дождь какой... Вода там сейчас все размочит, и как только дождь кончится – тут и надо идти искать...

Римас первым догадался, о чем речь.

- Знаешь, Жора, я тебя очень люблю, но – без меня. Там и без дождя-то было не очень, а после ливня и вовсе весело будет. Я – не идиот.

Ник с Борисом одновременно подняли руки: мы тоже пас.

Липецкий еще раз внимательно на всех посмотрел.

- Да ладно. Тупые вы. Сам пойду. Один. Наливай.

* * *

Липецкий отправился утром, когда все еще спали. Он и рад был, что пошел один: никто не будет бухтеть за спиной и скептически скалиться в лицо. На этот раз идти было не так приятно: сапоги скользили по мокрой траве, тропинку размочил ливнем, приходилось обходить лужи, терять время. Он торопился, ему почему-то казалось – нужно как можно скорее попасть на место, чтобы... Чтобы – что? Он этого не знал. Но торопился.

Вот и поляна – и Липецкий в голос застонал от бессилья и собственной глупости. На поляне под ногами хлюпало, ямы, которые они выкопали в прошлый раз, были на треть полны воды, и что-то искать при таких условиях было, конечно, просто бессмысленно. Липецкий едва не плакал, причитал вслух:

- Ну почему я такой дебил? Ну ведь очевидно же, понятно же, что так и должно быть после сильного дождя! Кой черт меня дернул, что меня подкинуло? И что теперь делать? Прав все-таки Римас, он – не идиот. А я – идиот!

Назад, однако, идти не хотелось. Липецкий поставил палатку (на этот раз он взял с собой палатку – крошечную, на одного человека, внешним видом напоминавшую гробик), разложил костер, приготовил нехитрое варево. Закрыв глаза, попробовал прислушаться к внутреннему голосу – вдруг, как в прошлый раз, что-нибудь подскажет. Внутренний голос стыдливо молчал. Однажды он уже обманул Липецкого, подсунув ему эту бесплодную поляну, - что он, внутренний голос, мог теперь сказать в свое оправдание? Липецкий тоскливо огляделся. Ладно, раз уж пришел – что-то надо делать. Он взял лопату, поднялся...

Ничего он в тот день не нашел, хотя пытался снимать грунт и углубляться в разных местах. Получалось это трудно, земля была мокрая, липла на лопату. Ковырялся до вечера, устал смертельно, разжег костер, выпил чая – и завалился спать.

А ночью проснулся от ощущения присутствия. Он осторожно потянул «молнию» палатки, высунулся. У тлеющего костра, палкой помешивая угли, сидела сгорбленная фигура. Липецкий нащупал лежавший под боком нож, медленно вылез из палатки. Фигура

снова помешала в костре – тот вдруг лизнул темноту последним отчаянным языком пламени. Человек повернулся к Липецкому, отложил палку, встал. Лицо его осветилось – оно было морщинистым, старым. Именно это лицо не так давно видел Липецкий во сне. Но сейчас оно ему не снилось. Человек сделал несколько шагов навстречу, снова остановился. Теперь Липецкий разглядел: это была старуха, древняя и сухая. Хотя какие-то внешние признаки пола в ней начисто отсутствовали, он все-таки понял почему-то: старуха. Морщинистое лицо ее обрамляли седые космы, взятые в пучок, тело было укрыто чем-то, напоминавшим шкуры животных. Старуха издала несколько хриплых, гортанных звуков – Липецкий понял, что она сказала, и не удивился этому.

- Ты искал нас – ты нашел нас, - сказала старуха, махнула палкой в сторону кустов. – Пошли.

Они подошли к краю поляны, углубились в кустарник. «Сейчас клещей нацепляю!» - подумал вдруг Липецкий – и удивился своей мысли. Состояние его было странным. Он понимал, что все происходящее – бред воспаленного сознания, что он, возможно, просто спит, спит так глубоко, что воспринимает сон, как явь, что ничего такого наяву быть не может. При этом он совершенно отчетливо видел в свете луны и поляну, и старуху, уверенно и крепко шагавшую через кусты, и кусты его ощутимо царапали, ощущал легкий ночной ветерок, слышал ночные звуки... Вот, звуки. Они были разные, непривычные, и по мере того как продирались они со старухой через кусты, звуки эти становились громче и отчетливей.

Старуха остановилась.

- Дальше не надо. Смотри, - она немного подвинулась. Липецкий взгляделся в просвет между кустами. На соседней поляне, большой, метрах в ста от той, где стояла его палатка, в центре горел костер, вокруг сидели люди – как старуха, покрытые одеждой из шкур. В отдалении виднелись жилища, очертаниями напоминавшие чумы. Липецкий наметанным глазом заметил: чумы были врыты в землю, на некотором расстоянии от них прокопаны канавы для отвода дождевой воды, снаружи чумы были покрыты шкурами. Люди сидели у костра, входили в чумы и выходили, что-то приносили и уносили. Липецкий задохнулся от восторга. Ему захотелось немедленно выйти на поляну, подойти к костру... Что дальше – он не знал, но это было и не важно. Старуха угадала его намерение, взяла костлявой рукой за плечо – Липецкому стало больно.

- Не ходи. Тебе нельзя. Мне – можно.

- Почему тебе можно, мне – нельзя? – он впервые подал голос, голос звучал глухо. Липецкий строил предложение коротко, невольно подражая старухе.

Старуха покачала головой.

- Меня не видно, давно нет. Ты – есть. Испугаются. Убьют. Враг.

Липецкому стало неудобно, он опасливо покосился сквозь кусты на поляну – и разглядел пирамиду из копий с острыми, тускло блестящими в лунном свете, наконечниками – не то костяными, не то каменными.

Старуха снова взяла за руку, на этот раз за локоть, потянула назад.

- Посмотрел – иди.

Липецкий пошел обратно так же молча, как шел туда. Мысли путались – собственно, никаких мыслей не было, была пустота. И было недоумение. Он чувствовал себя так, как будто ему сквозь щелочку в театральном занавесе показали кусочек странного представления, суть которого он пытался уловить, но не сумел, и теперь эту щелочку закрыли, а объяснять ничего не хотят. И зачем ему это показали – он тоже не знал.

- Зачем показала это? – спросил он. – Почему мне?

- Тревожил меня. Думал громко. Приходил в мой сон.

- Тебя ведь нет?

Старуха посмотрела на него без выражения.

- Здесь – нет. Там – есть, - она никуда не показала, и непонятно было, где это – «там».

- Тебе – дано, - еще сказала старуха. – Я вижу вперед. Ты видишь назад. Будешь видеть. Будешь знать – где. – И подтолкнула его в сторону его костра, в сторону палатки: - Иди.

Она на мгновение приложила руку к его лбу – и Липецкий пропал. Больше он ничего не видел и не чувствовал.

Он проснулся от шума леса. Птицы орала над самой палаткой, немилосердно стрекотали кузнечики. Солнце прошивало палатку, как рентгеновские лучи: насквозь. Липецкий вылез, огляделся. Погода сменилась, небо заливала голубизна, верхушки деревьев осторожно трогал легкий ветерок. Судя по солнцу, было довольно рано. Он тряхнул головой. Следов недосыпа – головной боли или чего-то подобного – ни малейших. Не умываясь, Липецкий направился в сторону кустов, через которые они проходили со старухой к соседней поляне. Подошел – и остановился. Кустарник стоял сплошной стеной по грудь, по краю рос колючий шиповник, и просто так пройти сквозь него не было никакой возможности. Как они прошли ночью, было совершенно непонятно. И на руках не осталось никаких следов, хотя кусты царапались, он и сейчас помнил это ощущение.

Липецкий почесал в затылке, вернулся за топориком, стал искать проход, прорубаясь через слишком уж густо разросшиеся кусты.

Пробился. Вот она, та поляна. Никаких следов людского пребывания здесь, конечно, нет – впрочем, он и не думал, что они есть. Липецкий спохватился, вернулся за лопатой, стал нетерпеливо копать. Копал долго, до обеда, в обед сбегал к палатке, едва перекусил сухой колбасой и хлебом – снова вернулся, снова копал. Наконец, лопата уперлась в твердое. Сердце Липецкого екнуло. Оказалось, однако, просто кусок дерева, и не поймешь – то ли это остаток древнего жилища, то ли просто – деревяшка, и все. Дальше, однако, пошло: нашел пару наконечников, несколько каменных черепков – видимо, осколки посуды. Глубже и вширь копать было бессмысленно, он все равно ничего бы не понял, только навредить мог, теперь здесь нужны специалисты. Но душа Липецкого и так парила: внутренний голос не обманул, просто сознательно завел его не туда, потому что был не один, с товарищами.

Можно было возвращаться домой.

Липецкий обозначил место так, чтобы только он мог опознать, находки уложил в специально приготовленную на этот случай коробочку, собрал палатку, рюкзак, пошел в Поселок.

* * *

Конец зимы – нелепая пора.

Бегут снега. Уходит поколение.

Вот так и мы уйдем без сожаленья.

Когда-нибудь.

Не с вечера – с утра.

Нас станут звать – а мы не будем знать,

кричать затеют – мы не отзовемся...

- Нужна помощь зала, - сказал Борис, отвалившись от стола. – Рифма к глаголу «отзовемся».

- «Прорвемся», «разберемся», «оторвемся», «проснемся», - начал загибать пальцы Ник.

- Молодец! – ехидно скривился Борис. – Это все - глагольные рифмы, они мне зачем?

- Ну, чем богаты, - развел руками Ник.

Борис махнул рукой – и в это время вошел Липецкий.

- О! Явление Жоры народу! А мы думали – тебя откапывать надо уже, - Борис встал из-за стола, с любопытством разглядывал перепачканные грязью сапоги Липецкого и его

довольную физиономию. Она-то, физиономия, и произвела на всех самое сильное впечатление. Она была не просто довольной, не просто сияла – она светилась изнутри, как фонарь.

Липецкий секунду на всех глядел, потом сбросил рюкзак – и стал плясать. Плясать он не умел, поэтому просто ходил туда-сюда, перебирая ногами и разводя руками, и приседал.

- Слышь, Борь – может, «скорую»? – спросил Ник, а Римас лихорадочно рвал из кофра фотоаппарат. Успел.

Липецкий, наконец, остановился. Развязал рюкзак, вынул заветную коробочку, подошел к столу, вытряхнул содержимое. Все это проделывал молча. Молча отошел в сторону, чтобы все могли полюбоваться.

Все полюбовались.

- Ну, и что это – может, объяснишь? – Борис уже почти злился. – Чего ты в шпионов-то играешь?

- Чай есть? - Липецкий налили себе чаю, сел, стал рассказывать обо всем, что с ним произошло в лесу. Старался рассказывать не спеша, но не получалось: распирало его уж очень.

Когда закончил, друзья смотрели на него примерно так, как он – на старуху минувшей ночью. Собственно, он и был теперь – пришельцем из другого мира, посланником. Делегатом. Первым нарушил молчание Римас.

- Я всегда знал, Липецкий, что ты – идиот, - задумчиво произнес он. И раздраженно пояснил в ответ на недоуменные взгляды: - Ты почему с собой фотоаппарат-то не взял, идиот?!

Липецкий виновато развел руками.

- Откуда я знал-то?..

И вдруг спохватился:

- Но вы мне... верите?

Борис только фыркнул.

- А как тебе не верить? Как можно не верить тому, кто никогда не врет?

Еще помолчали, переваривая рассказанное. Ник спросил:

- Ну, и что ты теперь с этим своим... знанием будешь делать?

- Это просто. Римас, ты помнишь – какого числа прилетают питерцы?

Римас встрепенулся, он понял. На днях должны были приехать знакомые питерские археологи, которые работали здесь вот уже несколько лет. Липецкий покажет им свои находки, отведет на место – ну, дальше понятно.

- Мужики, только просьба одна, - Липецкий посерьезнел. – Вот хоть на чае, хоть на водке – я сбегаяю! – поклянитесь, что никогда и никому без моего ведома не расскажете о том, что я видел. – Помолчал и добавил тихо, будто про себя: - И что еще увижу.

Смысл последней фразы до них дошел спустя много лет. А сейчас...

- Никуда бегать-то не надо, - Римас достал початую бутылку водки...

Дальше события завертелись с невероятной скоростью – такой, что друзья Липецкого, вернувшись в Город, следить за ними не успевали, да из Города и не могли. Их и самих события завертели, судьба стала складываться, началась жизнь.

Римас так и остался лучшим в Городе фотографом, завел свой салон, не то чтобы процветает, но – при деле и не бедствует.

Борис нашел рифму к глаголу «отзовемся», но рифма все-таки оказалась глагольной, и он выбросил недописанное стихотворение. Зато сочинил множество других. Его вдруг, в один момент заметили коллеги- профессионалы и оценили, он стал сначала выступать с творческими вечерами и печататься в толстых литературных журналах, потом издал книжку, еще одну, вступил в Союз писателей и стал почти знаменитым.

Ник (то есть я, конечно) сделал карьеру в журналистике, немного позанимался политикой, но желание продолжать ею заниматься отбило однажды – и навсегда. Как-то

раз, глядя в телевизор, он увидел нового премьер-министра, будущего преемника и президента России – и выронил то, что было в руках. На него смотрел своими маленькими, сведенными к переносице, глазками тот самый питекантроп (или неандерталец?), который однажды приснился. С той поры Ник к политике не прикасался.

С Липецким же дальше было так.

Приехали археологи, Липецкий показал им место, не вдаваясь в детали, они сомнительно покачали головами, но все же работу начали... Через пару дней к Липецкому в Поселок прибежал взмыленный, краснощекий, с реденькой бородкой Слесаренко, схватил его в охапку, стал кружить.

- Липецкий, ты – гений! – орал он, и дети смотрели на них из-за косяка испуганно-любопытно, а жена (та самая: дура) – в упор и сердито. Ей совсем не нужен был муж-гений. – Ты даже не понимаешь, что ты нашел, Липецкий! Мы тебя берем в соавторы статьи, которую сейчас Ромка пишет! Срочно пишет! Потому что это – почти сенсация!

Слесаренко преувеличивал, хотя находка действительно была редкой. Пожалуй, первой такой серьезной в этом районе. Они раскопали древнее поселение, хорошо сохранившееся, с местами отправления обрядов и местами захоронений, со множеством артефактов. Это было поселение эпохи Верхнего палеолита, люди жили здесь 40-45 тысяч лет назад. Летом они обитали в жилищах, похожих на чумы, неглубоко вкапывая их в землю, чтобы ветром не сломало, и делая обводные каналы. Сверху чумы покрывали звериными шкурами (нутро Липецкого дрожало от восторга, когда Слесаренко ему все это рассказывал). Зимой же они закапывались метра на полтора-два в землю (Липецкий опять внутренне возликовал: он же знал, что надо копать именно эту глубину!), сверху делали навес наподобие крыши. А если находили в горах пещеры – селились на зиму в пещерах.

За короткий сезон питерские археологи сделали столько, сколько прежде не сумели за несколько лет. Они были готовы носить Липецкого на руках. Сам он несколько раз бывал на раскопе, видел все своими глазами – и все время вспоминал ту заветную ночь, соотносил увиденное теперь с тем, что наблюдал из-за кустов. Все сходилось, раскоп воспроизводил ту конфигурацию поселения, какой ее Липецкий видел, так сказать, вживую. Когда сезон закончился (главное – закончились отпущенные Институтом археологии бюджетные деньги), они все (было их четверо) приехали к Липецкому, закатали пир, сделали отвальную.

- На следующий год здесь закончим, будем искать новые объекты, - обняв Липецкого за плечи, делился руководитель группы Роман. – Может, ты нам опять поможешь?

Роман шутил, а Липецкий задумался. Он вспомнил слова старухи: «Тебе – дано. Будешь видеть. Будешь знать – где».

...И на следующий год история повторилась, и даже не скажешь – «повторилась внезапно». Липецкий бродил по сопкам в поисках интересного, вдруг остановился, прикрыл глаза... Сердце встрепенулось, как тогда, в лесу. Он спустился с сопки, опустился на колени, огляделся хищно, как волк. Здесь.

На следующий день пришел к Роману и Слесаренко – те как раз заканчивали раскопки на старом месте.

- Поехали, покажу – где копать надо.

Роман отмахнулся.

- Брось, Жора! Думаешь, один раз повезло – теперь всегда так будет?

Липецкий спорить не стал, просто предложил:

- Проверь.

На следующий день поехали... и остались. И разбили лагерь. И копали весь сезон. И снова Слесаренко душил Липецкого в объятиях и кружил в первобытном танце:

- Жора, ты гений!

Дети, радостно галдя, бегали за ними, а жена (та самая...) злобно наблюдала за этим от плиты, рискуя сжечь котлеты.

И так повторялось каждый год, много лет подряд. Приезжали в сезон археологи, говорили: «Липецкий, фас!» - и Липецкий показывал, где искать. Постепенно он стал знаменитостью – сначала местной, потом большой. Он никогда и никому не рассказывал, когда и как пришел к нему этот дар – видеть прошлое. Он его видел, и этого было достаточно. Он, собственно, и жил-то по-настоящему в этом прошлом, и даже скульптуры его были по-своему архаичны, ископаемы. В его абстрактных и полуабстрактных композициях не было ничего от реальной жизни – но в них была первобытная мощь, в них была мудрость, мудрость не человеческая, а та, которая даже не «от сохи»: от самой земли. Липецкого признали, он стал много выставляться, его приняли в Союз художников, ему дали трехкомнатную квартиру в Городе, а еще через несколько лет присвоили звание Почетного гражданина Города.

И вот тогда с ним приключилось второе главное событие жизни.

Однажды Липецкий, оседлав основное свое средство передвижения – велосипед (теперь он жил в Городе, и привычки пришлось менять на городские), - изучал окрестности карьера, в котором много лет подряд добывали гравий для нужд многочисленных строек Города и не только: его везли и за пределы города, в соседние районы. Километрах в пяти от карьера, посреди степи высился курган. Когда-то давно археологи пытались его отработать, считая, что это – могильник, но ничего не нашли. Липецкий сошел с велосипеда, взошел на курган, сел, прикрыл глаза... и понял – почему не нашли. Не там искали. Рядом с этим был еще один курган – невзрачный, малоприметный. Могильник находился там. Это тоже был Верхний палеолит, только немного более поздний период. Липецкий сделал пометку на своей карте. Через месяц должны появиться Слесаренко с Романом, будет очередной сюрприз. Хотя они уже давно перестали относиться к этому как к сюрпризам, стали принимать как должное, и если бы вдруг вышла осечка – пожалуй, даже обиделись бы.

Но пока осечки не случалось.

Липецкий вдруг почувствовал непреодолимое желание прилечь и поспать. Он рано встал, он вообще старался поменьше находиться дома в то время, когда дома была жена. На его счастье, ее рабочий график занимал все будничные дни, и мукой смертной были только выходные. Сегодня был выходной.

Стоял полдень, сухой и жгучий. Липецкий, торопясь, доехал на велосипеде до ближайшего куста боярышника – веки буквально слипались, - успел еще подивиться на так внезапно свалившуюся на него сонливость, рухнул под куст – и заснул мгновенно.

Проснулся от ощущения присутствия. Открыл глаза – и сел. Сна как не бывало.

На него смотрела старуха – та самая, из древнего прошлого. Она сидела на корточках, ворошила своей суковатой палкой траву, смотрела на него – и молчала. И он молчал, понимая, что сейчас произойдет что-то важное. Старуха, наконец, сказала:

- Ходишь к нам, тревожишь нас. Не кости – души. Тревожишь души. Не ходи.

Липецкий заволновался.

- Но ведь я – для науки, чтобы знали люди – как они раньше жили, кем были, откуда пришли...

- Откуда пришли – не знаешь. Мы не знаем. Никто не знает. Как жили – не знаешь. Думаешь, что знаешь.

- Но мы – ваше будущее! – воскликнул Липецкий. - Нам ведь важно знать – каким было наше прошлое.

- Прошлое – не ваше. Ваше – сегодня. Будущее – не наше. Не ходи. Не тревожь.

Старуха покачнулась, положила на мгновение ладонь Липецкому на лицо – он попытался еще что-то сказать, но провалился, пропал.

Очнулся от дождя. «Какой дождь, откуда?!» Когда он заснул, неистово сияло солнце, и на небе ничего не было, кроме этого сияния и бесконечной голубизны. Теперь из серой пелены сочились капли – лениво, как будто кто-то их заставлял, как будто кто-то там, наверху, выжимал наполовину высохшую губку. Простиравшийся внизу гравийный

карьер был заполнен туманом, туман колыхался в нем, как пена в ванне, и переплескивался через край. Вдруг Липецкий что-то увидел в этом тумане. Он подошел поближе к самому краю обрыва, где внизу, в нескольких десятках метров, простирался на много километров карьер. Он подошел, наклонился – и вдруг заорал от неожиданности. Перед его лицом из тумана вынырнула вдруг змеиная голова на тонкой шее и закачалась, горячо на него дыша и фыркая. Голова и шея были покрыты зеленой чешуей, как у рыбы, только толстой и крупной. Продолговатые змеиные глазки без ресниц смотрели на Липецкого, не мигая. Они, кажется, гипнотизировали его, он не мог отойти от края, не мог двинуться. Голова стала приближаться, вот уже совсем близко – Липецкий раскрыл рот, чтобы снова заорать – и проснулся окончательно. По-прежнему светило солнце, чистое небо, хоть и было голубым, но, казалось, целиком полыхало жаром.

- Вот черт возьми! – вслух сказал Липецкий, поднимаясь. От пота он был мокрый, как после душа – потому и приснился сон про дождь. – Вот черт!.. И как теперь понять – что было явью, а что – сном?

Разбираться уже не стал. Сел на велосипед и поехал домой.

А когда через месяц приехали археологи, Липецкий повез их к месту, где, он был уверен, находится захоронение эпохи Верхнего палеолита – и не нашел это место. Они прочесали на УАЗике, который выпросили у редактора местной газеты, весь участок степи, где находился отмеченный на карте курган, вдоль и поперек, но как ни старались, как ни закрывал Липецкий глаза и как ни взывал ко внутреннему голосу и совести его, курган не нашли.

Слесаренко смотрел на него с жалостью, а Роман был откровенно разочарован и разозлен.

- Ты если не нашел ничего за это время – так и скажи, чего ты нам голову-то морочишь? У нас другие отмеченные участки есть – найдем, чем заняться, - Роман тронул за плечо водителя, сказал: - Давай домой, Семеныч.

Липецкий выглядел спокойным. То есть сначала он был растерян, но очень скоро понял: старуха не приснилась и дар его отняла. Понял он и то, что на этом его археологическая эпопея закончилась.

В Городе Слесаренко робко попытался было позвать Липецкого на обед в кафе – Роман молча смотрел в сторону. Липецкий усмехнулся, пожал руку Слесаренко, кивнул Роману:

- Злиться перестанешь – заходи, водки выпьем!

Роман молча сплюнул в сторону. Роман любил четкость и конкретику, и если четкости и конкретики не было, он становился грубым. Липецкий ушел и больше тем летом с археологами не встречался. Потом, позже, они, конечно, виделись, и сживали снова за одним столом, у археологов случились другие научные подвиги и достижения, но уже без Липецкого.

* * *

А с Липецким тем летом приключилась еще одна история, которая, собственно, и сделала его таким, каким я его описал в самом начале.

Любопытство и слегка уязвленное самолюбие заставляли его снова и снова проезжать на велосипеде то злополучное место, где был курган. Но кургана не было, и Липецкий дивился этому обстоятельству. Однажды он подъехал к тому самому кусту боярышника, где в последний раз виделся с ископаемой старухой. Зачем? Ну, может, просто передохнуть в тени... он не знал – зачем. Липецкий положил велосипед, подошел к краю обрыва. Обрыв оказался не таким уж крутым, как представлялось тогда – во сне, в тумане. Вдоль склона даже извивалась узкая тропинка, неизвестно кем протоптанная. Липецкий спустился вниз по тропинке, внимательно оглядел срез, сделанный экскаваторным ковшом. Что-то его в этом срезе заинтересовало. Он наклонился, копнул – просто рукой...

...- Вот этим я теперь и занимаюсь, не считая, конечно, скульптуры: палеонтологией,
- Липецкий грустно улыбнулся нам. – Уже несколько статей написал. В соавторстве,
конечно: я ж по-английски не знаю...

Жена его (та самая...) в этом месте громко фыркнула.

Он посмотрел на нее скорбно.

Хорошо, что они потом разошлись.

Декабрь 2015 г.